

МАРСЕЛЬ КОЭН

СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА И ИДЕАЛИЗМ

За истекшие 50 лет лингвисты много работали, а также немало занимались умозрительными построениями, особенно в последний период. Необходимо выяснить, какие из выработанных за это время понятий и методов должны послужить основой для новых работ. Тем самым удастся избавиться от бесплодных дискуссий. Следует проанализировать своеобразие и противоречия каждой из многочисленных идеалистических доктрин, рассматривая их в свойственном им социальном и идеологическом контексте и учитывая в нужной мере личные особенности отдельных исследователей.

Пытаясь наметить пути, по которым должна пойти разработка лингвистических проблем в будущем, нельзя недооценивать риск увлечения старым в нашем мире, где еще живы традиции блестящего идеализма двухтысячелетней давности, тогда как диалектический материализм развивается в непрерывной и трудной борьбе лишь около ста лет. Не следует забывать также, что новое часто неправильно используется недостаточно подготовленными его сторонниками или дилетантами.

В конце XIX в. сравнительно-исторический метод (нельзя опускать первый термин, который является основным) достиг большой степени совершенства. При помощи этого метода были доказаны постоянство фонетических соответствий и необходимость объяснения любых исключений (особенно на основе аналогии). Было написано много трудов, посвященных как целым семьям языков, так и отдельным группам и подгруппам внутри этих семей (примеры: индоевропейская семья, германская, славянская группы, романские языки). Эти работы не требуют каких-либо принципиальных изменений. Принцип, согласно которому к сравнению следует привлекать наиболее древние засвидетельствованные формы, прочно вошел в языковедческую практику.

Не подлежит сомнению, что деятельность любого хорошего лингвиста, независимо от того, направлена ли она на совершенно новую или уже исследованную область языка, вносит определенные частные улучшения или новые черты в метод. Возьмем два знаменитых примера. Известно, что Ф. де Соссюр начал свой исследовательский путь с попытки уловить своим интуитивным и как бы геометрическим умом сущность некоторых особенностей общиндоевропейского вокализма. Соссюр предполагал, что эти особенности находятся в связи с гортанными согласными, которые должны были исчезнуть в результате последующего развития. А. Мейе, бывший человеком рационалистического склада ума, но всегда заботившийся о том, чтобы не исказить теорией сложную языковую действительность, с первых же лет своей преподавательской деятельности выдвинул мысль о том, что восстанавливаемый нами индоевропейский праязык, который был средством общения народов, не имевших ни письменности, ни объединенного государства, не мог обладать полным единством, которое едва ли свойственно даже великим культурным язы-

кам современности. Мейе считал, что, в соответствии с засвидетельствованными языковыми данными, следует признать диалектальную раздробленность индоевропейского праязыка. Правда, имело и еще имеет место неправильное применение сравнительно-исторического метода. Но разве этому можно удивляться? Чаще всего стремление к поспешным выводам в пользу какой-либо предвзятой мысли ведет к логической ошибке неполного перечисления или к отрыву части от целого. В качестве примера можно указать на индоевропейско-хамито-семитское сопоставление (которое, возможно, когда-либо и удастся осуществить при более благоприятных условиях). Г. Мёллер нередко оперировал семитическими элементами, еще не нашедшими своего места в семито-хамитской сравнительной грамматике. А. Кюни использовал для сравнения слишком короткие элементы (только с одной согласной), неправомерно вырванные из корней, имеющих обычно трехконсонантную структуру.

Известно, как запутался Н. Марр, который не считался с разумными историческими перспективами. К сожалению, его так называемое «открытие» четырех первичных слогов, якобы являвшихся компонентами первобытного языка и обнаруживающихся в разных формах в словах различных языков, привело в Советском Союзе к временному усилению лингвистического дилетантства. Его наиболее распространенная форма обычно сводится к сравнению сходных слогов в словах одинакового смысла, выбираемых независимо от времени и пространства. Стоит ли говорить, что критика этих ошибок не имела бы смысла, если бы ее результатом было лишь возвращение к методам, применявшимся в XIX в.? С тех пор в языковедении сделаны крупные успехи.

Несколько слов об одном методе, который впервые был использован немецкими компаративистами середины XIX в., а затем вновь привлек интерес ученых в двадцатых годах XX в. (Дж. Ципф в США в 1929 г.). Речь идет о статистике лингвистических элементов.

Количественный подсчет занимает определенное место в работах, посвященных как истории языка, так и описанию его состояния, поддающегося наблюдению в настоящее время. Желательно, чтобы этот метод постепенно вводился и в исследование различных семей языков.

Недавно М. Сводеш сделал попытку сопоставления языков, известных лишь в своем современном состоянии (языки американских индейцев). Автор применяет метод статистики словарных элементов, поддающихся сравнению. Эту своего рода статистическую палеонтологию Сводеш пытается подкрепить разысканиями в области языков, история которых известна. К сожалению, основы применяемого им сравнения недостаточны широки, а метод еще непрочен.

*

Обратимся к рассмотрению структур.

Лингвисты XIX в. в большинстве своем были натуралистами. Хотя и не всегда формулируя свои концепции, они считали языки своего рода организмами и даже стремились приписать им «органы». Логическая база, унаследованная в значительной мере у Аристотеля, позволяла им, кроме того, различать «части» языка, выполняющие определенные функции. Достаточно вспомнить термин «жизнь слов», который состоял главным образом в перенесении психологических представлений. Согласно наивному эволюционизму, в языке имеет место непрерывный прогресс, ведущий к переходу моносиллабических (односложных) языков к языкам флективным (это положение было признано впоследствии лишенным всякого основания).

Начало XX в. знаменовало перемену научных взглядов. В физиологии

внимание все более сосредоточивается на строении клетки и ее ядра. В то же время изучение радиации привело к исследованию структуры атома, считавшегося до этого неразложимым. С другой стороны, мысль о том, что общественные явления (не говоря о языке) составляют часть явлений природы, характер и изменения которых должны научно изучаться в их связи с другими явлениями — одна из центральных идей учения Маркса и Энгельса, — стала появляться, в свою очередь, у буржуазных социологов-рационалистов.

Кто первый начал говорить о языке как о системе, а затем как о системе систем? Кто первый произнес и написал слово «структура»? Историки смогут исследовать этот вопрос. В чем состояла кристаллизация мыслей Ф. де Соссюра во время его преподавательской деятельности в Париже в *École Pratique des Hautes Études*?¹ Каковы были взгляды его молодого ученика и раннего преемника Мейе? Сохранившиеся записи лекций, письма и воспоминания, очевидно, смогут в некоторой степени пролить свет на эти вопросы. Будучи сам учеником Мейе с 1903 г., я должен сказать, что понятие системы было привито мне с самого начала и тесно связано со всем лингвистическим образованием.

Важной датой является 1916 г., когда Ш. Балли и А. Сешеэ опубликовали курс общей лингвистики, который Ф. де Соссюр читал в женевском университете в 1910—1911 и 1911—1912 гг. Этот курс, хотя он не готовился автором для печати, является очень содержательной книгой, отражением глубокого ума, способного заставить размышлять любого читателя.

Комментарии к этой книге, вероятно, в несколько раз превосходят ее по объему. Следует остерегаться излишних толкований. Конечно, мысли великих ученых заслуживают изучения и объяснения, а их терминология может быть предпочтительной. Однако только богословский комментарий призван постоянно возвращаться к одному и тому же священному тексту, никогда не нарушать его целостность, и лишь иногда с течением времени по-новому его освещать. Не так обстоит дело с великими философами и учеными. Будучи столь же самостоятельными по отношению к ним, как и по отношению к нашему объекту, и опираясь на самое ценное в их трудах, мы воздадим им прекрасную дань и наилучшим образом сможем продолжить их дело.

Предлагаемые ниже несколько соображений имеют целью кратко рассмотреть вопрос о том, как «Курс общей лингвистики», с одной стороны, оказался благотворным для последующих работ, а с другой стороны, способствовал возникновению весьма бесплодных теорий.

Одной из наиболее положительных черт учения Ф. де Соссюра было настойчивое требование детального изучения современного состояния языка, изучения функционирования его системы в настоящее время, в отвлечении от известных фактов его истории. Обладая «дихотомическим темпераментом», склонным к противопоставлению двух элементов (известны «тритомические» умы, постоянно оперирующие тремя элементами), он подробно разработал противопоставление диахронии и синхронии. В то время как французские термины «*esprit de clocher*», «*esprit d'intercourse*», образно примененные к лингвистике Ф. де Соссюром, не получили права гражданства, эти два греческих термина были широко приняты последующими теоретиками. Но почему диахрония вместо истории, если не для того, чтобы просто противопоставить ее синхронии? Как можно говорить о синхронии, если при этом не иметь в виду одновременность с другими явлениями? Как бы то ни было, истрачено немало чернил, чтобы доказать

¹ *École Pratique des Hautes Études* — высшая школа в Париже, дающая практическую подготовку к научно-исследовательской работе. — *Прим. ред.*

то несомненное, казалось бы, положение, что исчерпывающее описание системы языка в определенный момент его развития облегчается, если автор имеет возможность принять во внимание его прошлое.

«Статические» описания языков были и до Ф. де Соссюра. Можно вспомнить работу одного из первых и наиболее одаренных учеников Мейе — Р. Готьо (R. Gauthiot, *Le parler de Buividze. Essai de description d'un dialecte lituanien oriental*, Paris, 1903) — образец ясности и беспристрастности. Однако такие описания стали умножаться, хотя их все еще слишком мало. С другой стороны, стилистика, которой впервые стал заниматься ученик и преемник Ф. де Соссюра в Женеве — Ш. Балли, а затем и современная семантика расширили поле систематических описаний.

Нередко считают, что социологическая точка зрения в языкознании восходит к Ф. де Соссюру. В действительности же утверждение, что какой-либо язык принадлежит всей общественной группе, которая им пользуется, не было развито в «Курсе» в плане изучения социальных отношений и их связи с характером выражения мыслей (попытки такого рода можно найти у Мейе, А. Соммерфельта и др.). Напротив, фраза, которой кончается книга Соссюра («собственным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в себе и для себя»), как будто бы противоречит внешнему изучению языка.

Было выдвинуто и другое двойственное противопоставление, а именно противопоставление французских терминов, употребляемых в особом узком смысле: «langue» и «parole». Это различие, устанавливаемое между системой выражения и характером (манерой) употребления, имело успех в языкознании. Оно легло в основу многих обсуждений; при этом часто вводился третий термин, занимающий промежуточное место между двумя соссюровскими полюсами, а именно термин «discours». Такое деление, будь оно двойственным или тройственным, очевидно, не является необходимым для лингвистического исследования [см. по этому вопросу: М. Cohen, *Pour une sociologie du langage*, Paris, 1956, стр. 89—90, особенно следующий вывод: «Грамматику и лексику нельзя отрывать от употребления, которое отдельные индивиды осуществляют при помощи голоса; речь последних всегда имеет место в социальных рамках (это относится даже к внутреннему монологу) и не могла бы реализоваться без наличия структуры языка»].

Другой соссюровский двучлен состоит из «означающего» и «означаемого». Не подлежит сомнению, что значение слова, принятое и используемое в обществе, не является самим предметом, который оно обозначает. Однако слишком далеко зашедшие рассуждения в отношении этой очевидной истины могут привести к большой путанице. Пытаясь оградить себя от недоразумений определенными замечаниями, которые обычно опускаются при цитировании, Соссюр рискнул уподобить «означающее» и «означаемое» двум сторонам листа бумаги, одну из которых невозможно разрезать, не затронув другой. Различные реальные размеры разных выражений одного и того же понятия, — от одного слова или части его до целого предложения — достаточны для доказательства софистического характера этого сравнения. Может быть, привести несколько юмористический пример? Разве одно и то же не совсем приятное означаемое не может при серьезном тоне речи иметь означающее «лицемеры», а при шутовском — «те, кто при встрече хлопает Вас по плечу, а за глаза обливает Вас грязью»? Следует добавить, что «означающее» особо характеризуется как «знак», который объявляется «произвольным». Принятие этой терминологии в

¹ См. также W. D o r o s z e w s k i, «Langue» et «parole», «Prace filologiczne», t. XIV, 1929.

качестве основы обсуждения породило целую литературу, в которой, между прочим, «знак» признавался необходимым. Возникает опасность пуститься в схоластические словопрения, при которых, как сказал, кажется, Фома Аквинский, обсуждаются термины и упускаются из виду факты действительности.

Несомненно, Соссюр был прав, когда он настаивал на коренном различии отношений, которые устанавливаются в «последовательном расположении» и в способной неограниченно возрастать совокупности «ассоциаций». Изучение как одной, так и другой стороны оказывается плодотворным.

К сожалению, термин «синтагма», который, если я не ошибаюсь, был введен Соссюром, с самого начала стал применяться к самым различным соединениям: к корню и суффиксу, определяемому и определяющему, подлежащему и именованному сказуемому и т. д. Получилось, что «синтагма» превратилась в какое-то «чудотворное» понятие: считается (и это даже внушается начинающим), что сущность лингвистического исследования состоит прежде всего в изучении синтагм (так построено преподавание О. Сэважо, основывающееся на учении С. Гомбоца; но в какой мере это последнее отражает учение Соссюра?).

Сложная синтагма стала эмблемой целой лингвистической доктрины; под пером Ф. Микуша (который, между прочим, опубликовал ценные статьи о фразе как отражении действительности, о «рынке слов», о роли слушателя) синтагматика смутно претендует на главную роль в лингвистике.

Наконец, Ф. де Соссюр, вдохновляемый положениями метафизики, имеющими многовековую историю, заявил, что язык — это «форма», а не «субстанция». И в этом случае в последующих дискуссиях использовались термины самого Соссюра. Но в какой мере эти последние отражают основную деятельность, имеющую функциональный характер как в отношении индивида, который действует, так и в отношении общества, без которого не может быть языка?

Если мы хотим здраво оценить современное состояние языкознания, а также наметить некоторые перспективы его развития, то нельзя пренебрегать рядом психологических приемов, которые не нашли отражения ни в анкете «Вопросов языкознания», ни в докладах на конгрессе в Осло. То, что можно назвать рациональной психологией, которая исходит из спиритуалистической философии прошлых веков и из ее логики, проявляется у женевских учеников Ф. де Соссюра — тех самых, которые опубликовали «Курс»: у А. Сешез, автора исследований по психологии речи, у Ш. Балли (ему мы обязаны прекрасным введением в позитивное изучение части языковой действительности), который, к сожалению, в конце концов стал совершенно произвольно приравнивать фразу *je chante* к *je suis chantant*, против чего так справедливо боролись лингвисты предшествующего поколения.[¶]

¶ Далее, в том же плане следует назвать упрощенную априорную психологию Ж. Галише, весьма далекого от лингвистики. Последний порицает «морфологизм» и считает, что «мысли» предшествуют образованию грамматического выражения. Симптоматично, что в самой Швейцарии один критик в научном журнале приветствовал взгляды этого автора, считая их более серьезными, чем взгляды Ф. де Соссюра.

Более интересно своеобразное учение Г. Гийома, которое он называет «психо-систематикой языка» и которое в более или менее полной форме распространяют его последователи (в настоящее время Ж. Ропш-Вален в Канаде). Учение Гийома предполагает прежде всего «сублингвистическую схему» и ее актуализацию. Это своего рода двухступенчатый структурализм: в первом случае человек противопоставляется космосу («язык»),

во втором — другим людям («речь»). Несмотря на их метафизическую трактовку, некоторые наиболее полезные выводы представителей этого направления, по-видимому, следует использовать, истолковывая их по-иному.

Вообще говоря, связь лингвистики с психологией относится к периоду более раннему, чем сосюрковский. В 1900 г. В. Вундт опубликовал два тома «Die Sprache» — введение к книге «Völkerpsychologie», которая до сих пор не утратила своего значения. С другой стороны, «Principes de linguistique psychologique» Ван-Гиннекена, которые Мейе приветствовал как «смелую попытку... соединить лингвистику и психологию», остались изолированными, даже в трудах их автора. Лингвисты, находящиеся в той или иной степени под влиянием Вундта, главным образом немецкие, делали попытки провести анализ соотношения национальных особенностей и языка. В этой связи можно назвать, в частности, К. Фосслера. Отметим, что невозможно представить себе прогресс языкознания, избавившегося от идеализма, без тесной связи его с научной психологией во всех ее современных и будущих формах, от физиологии мозга до сравнительной психологии.

Можем ли мы перейти здесь к рассмотрению работ «структуралистов»? И да и нет. Как мы видели, понятие структуры давно стало вполне привычным для большинства лингвистов, которые работают, если хотите, в структуралистическую эру. А собственно структуралисты? Не следует расточать ярлыки без согласия тех, к кому они применяются. Надо остерегаться того, чтобы слишком широкое употребление какого-либо термина могло огульно дискредитировать — или вознести — теории, различные по своему существу и практической ценности.

Хронологию возникновения структурализма установить нелегко. В общем примерно с 1930 г. то, что можно назвать сосюррианством, более или менее принималось в определенных активных лингвистических кругах, в то время как вне этих кругов о нем ничего или почти ничего не знали. Именно в этот момент следует обратить внимание на два различных движения.

Прежде всего посмотрим, что произошло в Праге. Можно ли сказать, что там в действительности была определенная школа? Был образован лингвистический кружок, объединивший лингвистов, весьма разных по темпераменту и характеру занятий, под председательством чеха Матезиуса. В этом кружке видную роль играли два русских ученых — Н. Трубецкой и Р. Якобсон. До сих пор, таким образом, никаких структуралистских ярлыков. Но вскоре, благодаря «Трудам» («Travaux») этого кружка, стали известны такие термины, как «фонология», «фонолог», окончательно вошедшие в употребление после опубликования «Grundzüge der Phonologie» Трубецкого. Эти термины указывают на то, что основное внимание уделялось изучению звукового материала языка; при этом исследование проводилось не в том плане, в каком рассматривались проблемы описательной фонетики, а именно — изучалось функционирование значимостей. Если попытаться обозначить всю эту доктрину каким-либо термином на *-изм.*, то наиболее подходящим здесь был бы «функционализм».

Разрабатывая понятие фонемы, которое было выдвинуто ранее, подробно изучая (в статическом плане и в эволюции) фонологические системы и расширяя затем свой анализ исследованием морфологических фактов, фонологи сделали реальный вклад в изучение структур. Понятия, введенные ими, и их терминология в основном стали общепризнанными.

Критику «Курса» Ф. де Соссюра не следует механически переносить на труды Трубецкого, так как в них нет сосюрковских идеалистических наслоений. Надо, однако, сделать некоторые оговорки. Прежде всего

следует указать на своеобразный, трудно поддающийся определению дух финализма концепции Трубецкого, явно не лишенной черт идеализма. Язык представляется ему как какое-то окончательное явление в себе, которое имеет тенденцию изменяться само по себе; внешние связи и воздействия не получают должного рассмотрения. В результате предлагается ряд формул, находящихся нередко слишком механическое применение. Фонолог, ограничивающийся исключительно фонологией, рискует злоупотребить определенными стереотипными упражнениями, или, говоря старыми терминами, заняться казуистикой.

Те мысли Л. Ельмслева (Копенгаген), которые он изложил в 1936 г. в «An outline of glossematics» (соавтор Г. Дж. Ульдалль), возникли раньше его знакомства с «Курсом» Ф. де Соссюра. Однако в своей критике «Курса» он остался на позициях столь же идеалистических, как позиции самого Соссюра. Именно поэтому он пришел к выводу, что означающее и означаемое имеют каждое как форму, так и субстанцию.

Пытаясь при помощи этих понятий вывести формулы, применимые к языкам всех народов и всех времен («панхрония»), он стремится совершенно абстрагироваться от обычных методов лингвистики (в первую очередь от самой ее терминологии). Это стремление приводит к созданию «глоссематики» с ее совершенно новой системой терминов (каждый из которых имеет строгое определение) и с формулами алгебраического типа.

Глоссематика, как и фонология, имела последователей, в работах которых используется специфическая терминология этого направления. Формулировки глоссематиков, независимо от конкретной ценности их содержания, имели большой резонанс. Так как установление наиболее общих законов является целью любой науки, попытка Л. Ельмслева представляется в принципе вполне правомерной (эта цель, по-видимому, еще не достигнута). Однако можно ли будет частично использовать абстракцию Ельмслева по-новому, не в плане идеализма? Это покажет будущее.

Следует отметить, что, кроме занятия глоссематикой с ее специальной терминологией, Л. Ельмслев и его ученики осуществили весьма полезные работы, например, по теории падежа и рода.

Переходя к новому периоду, следует рассмотреть сложную историю «механицизма» и особой разновидности структурализма в США, возникновение которого, несомненно, относится к периоду не позднее 1930 г. и наиболее важной датой в развитии которого является опубликование в 1951 г. книги З. Харриса «Methods in structural linguistics» (до этого З. Харрис являлся лишь автором работ вполне традиционного типа по семитическим ханаанским языкам). Заметим, что с появлением этой книги совпадает во времени осуждение марризма в Советском Союзе. Стадиальная теория, выдвигаемая этим учением, весьма неудачно использовала определенные структурные моменты в отрыве от их лингвистического и исторического контекста.

Не следует думать, что рассматриваемый термин «структурализм» охватывает всю современную американскую лингвистику. Проходят оживленные дискуссии; при этом отнюдь не только лингвисты-марксисты высказываются критически. Частично история этого вопроса изложена в докладе П. Дидерихсена (Копенгаген) на конгрессе лингвистов в Осло. Исследования в этом плане должны быть дополнены. Надо отметить, что, хотя уже у Л. Блумфильда проявляется определенное изменение взглядов (см. слово *mechanistic* в индексе к его книге «Language»), неверно относить за его счет эксцессы части его последователей. Дело здесь обстоит несколько сложнее. Возникшая чисто теоретически мысль о выделении лингвистических единиц в зависимости от их «окружения» (исключая из сферы анализа значение) считается практически наиболее удачной основой для опи-

сания еще не известных языков (языки американских индейцев, изучение которых далеко еще не доведено до конца). Этот принцип используют как вспомогательное средство повторного описания известных языков, не прибегая к старым методам, созданным для греческой и латинской грамматики.

За этими теориями вырисовываются другие абстракции и в то же время другие практические искания, целое логистическое движение, разработка «рассуждающей» и, наконец, «решающей» машины. Софизм мысли о возможности идентификации только на основе «распределения» был быстро раскрыт уже в первых рецензиях на книгу Харриса, появившихся в американских журналах: ясно, что лингвистический предел (пауза), которому в графике соответствуют знаки препинания, выражает законченность единиц не только по форме, но и по значению.

Удобства определенных размещений и необходимость некоторых ограничений при функционировании счетных и других машин не дают основания для искажения лингвистических фактов. Нельзя согласиться с описанием согласных и гласных как «сегментальных» единиц (т. е. представляющих собой часть речевой цепи, подразделяемой на определенные отрезки). С другой стороны, нельзя противопоставлять последние характеризующим их количеству, интенсивности и интонации (эти единицы обычно называют «несегментальными»).

Нельзя примириться с тем, чтобы простые формы французского глагола описывались в одной части книги, а сложные — в другой. Необходимо соблюдать определенный порядок в описании; кроме того, нужно придерживаться хорошей старой философской формулы о том, чтобы подразделение не превращалось в разделение и чтобы естественная непрерывность не нарушалась. Ввиду признания структурного характера языка лингвистика может быть только «структуралистической». Следует работать так, чтобы она была структуралистической на здоровой основе.

Перед нами не стоит задача — создать целостную марксистскую лингвистику рядом с обычной (традиционной) лингвистикой. Но лингвисты, которые осознали ценность диалектического материализма для прогресса науки вообще, должны подумать о решительном и последовательном применении его для дальнейшего прогресса науки о языке.

Правда, при этом трудно сохранить равновесие. Лингвист как бы продвигается по туго натянутому канату, находясь, с одной стороны, перед необходимостью разоблачать и обезвреживать идеалистические выступления, искажающие действительность, а с другой стороны, распознавать и использовать все реалистические и конструктивные нововведения, независимо от их происхождения. Необходимо считаться с многочисленными противоречиями. Так, ученый, исповедующий какую-либо религию, может остаться материалистом в своей исследовательской работе; другой же ученый, который в целом следует материализму, может оказаться увлеченным блестящими, но бесполезными умственными упражнениями. Но это — простые случаи. Есть гораздо более сложные. Разве физики, которые на основе размышлений и подсчетов приходят к индетерминизму, не пользуются этим для признания того, что в совершенно определенном месте и в определенное время произошло сверхъестественное событие, чем и объясняется их мировоззрение? Как определить влияние (оказываемое непосредственно или в виде распространяющейся инфекции) тех или иных верований на оценку непонятных тенденций в явлениях природы или, наоборот, влияние различных аспектов механического материализма на возникновение абсолютных формул, постулирующих существование резких контрастов?

Диалектический материализм, напротив, должен дать возможность

считаться как с прямолинейностью, так и с осложнениями и стараться вскрыть действие естественных антагонистических сил.

Отметим, что для критической работы нужно обладать не только проницаемостью, но также решительностью и смелостью. Говоря откровенно, полного успеха можно добиться лишь в том случае, если свести дискуссии до минимума и проводить максимум конструктивной исследовательской работы.

Важным моментом такой работы является, как показали Маркс и Энгельс, рассмотрение явлений в целом. Для нас, лингвистов, речь идет об изучении языка во всей совокупности социальной жизни; при изучении же одного из многочисленных языковых аспектов его надо рассматривать в совокупности всей системы языка. Это даст возможность оградить себя от увлечения эпизодическими теориями и работам наиболее продуктивно.

Какую программу можно предложить на будущее? Не следует пренебрегать ни одним разделом лингвистики — все они должны быть продолжены и обновлены по мере того, как открываются новые возможности. Мы ограничимся здесь лишь краткими замечаниями по некоторым наиболее важным вопросам.

Изучение структур должно быть расширено; оно должно охватить те разделы лингвистики, которым сначала не уделялось должного внимания и структурный характер которых менее очевиден (имеется в виду семантика, лексикография). Этот вопрос был своевременно поставлен на конгрессе в Осло. Лингвистика должна учитывать не только уже достигнутые успехи психологии, но и ее ближайшие перспективы. Теперь нельзя уже представить себе, как формируется какой-либо язык, как он передается, употребляется и изменяется, без учета материального отпечатка («энграммы»), характер существования которого в мозгу еще не исследован.

Следует полагать, что любое действие языка связано с тем, что в психологии называют способностями, которые не являются неизменными, но, как неоднократно показывал И. Мейерсон, постоянно эволюционируют. Последние, очевидно, должны подвергаться исследованию в большем количестве, чем это делается в настоящее время: так, в лингвистике, наряду с памятью и вниманием, большую роль играют, с одной стороны, различительная способность, а с другой — способность сообщать.

Недавно начатое инженерами связи изучение экономного кодирования сообщения может дать первое представление о направлении некоторых будущих исследований. С другой стороны, следуя мыслям Ж. Одрикура, может быть, удастся соотнести различные факты языка и их изменения с неравномерным развитием различных видов духовной деятельности у различных социальных групп. Это приводит нас к исследованию связей между языком и обществом. Именно несостоятельность некоторых прежних методов, применявшихся в этой области, должна стимулировать поиски новых решений в условиях наших современных возможностей (в соответствии с развитием социологии). Хотя здесь все эти вопросы затрагиваются очень кратко, само поле исследования — огромно¹.

*Перевели с французского
М. М. Маковский и А. А. Зализняк*

¹ Данная статья отражает только личные взгляды автора, но при ее подготовке я пользовался докладами и дискуссиями, имевшими место в 1956—1957 гг. в группе лингвистов-марксистов в Париже, особенно в связи с обсуждением анкеты «Вопросов языкознания». Библиографические ссылки можно дополнить, обращаясь к перечню моих трудов в кн. «Pour une sociologie du langage». Следует добавить также книгу: P. Imbs, Le subjunctif en français moderne [Strasbourg], 1954, предисловие. Вскоре можно будет обратиться и к «Трудам VIII съезда лингвистов» (Осло).